1

Среда, 24 августа

В первые несколько благословенных секунд Мартиник успела подумать, как порадуется Сара красивой обложке нового издания «Миссис Дэллоуэй», но потом ее настигла жестокая реальность. Мартиник бережно погладила кончиками пальцев мягкий переплет и прижала книжку к груди.

Около месяца назад ее подруга ушла из жизни, а Мартиник по-прежнему ловила себя на том, что думает о Саре так, словно ничего не случилось. Каждый раз, когда, проходя мимо пекарни, Мартиник видела пышные булочки с клюквой, которые так любила Сара, ей хотелось купить их для нее, и лишь спустя несколько мгновений по нервным клеткам пробегал импульс, и Мартиник вспоминала, что произошло.

Расстроенная, она опустилась на один из стульев, стоявших за огромным дубовым прилавком книжного магазина. Ее муж, Пол, пытался ее успокоить, говоря, что такие состояния совершенно естественны. Просто сознанию требуется время, чтобы принять потерю близкого человека, но, несмотря на объяснения заботливого мужа, Мартиник по-прежнему приходила в отчаяние.

Она подобрала забытую кем-то газету и стала обмахивать ею лицо. В духоте позднего лета Мартиник ощущала себя не свежее насухо отжатой кухонной тряпки. Дочь Анджела полночи не давала ей спать, врубив громкую музыку, а потом пришлось встать раньше обычного, чтобы отвезти в школу троих племянников, потому что у Марсии был урок тенниса, который ни в коем случае нельзя было пропустить.

Мартиник провела рукой по лбу и помассировала виски. Кто вообще назначает урок в восемь часов утра?

Заправив за ухо прядь волос, она вздохнула. Пол считал, что жена слишком добра к Марсии. Он боялся, что Мартиник загонит себя, но та не могла отказать сестре в помощи. Марсия тяжело переживала развод с Ричардом, и уроки тенниса, как и благотворительные мероприятия, были необходимы ей, чтобы не терять почву под ногами. К тому же, поскольку бывший супруг изменил Марсии с девушкой, присматривавшей за их детьми, Марсия боялась снова доверить сыновей заботам чужого человека. Собственно, доверяла она теперь только сестре.

Мартиник покосилась в сторону крупного норвежского лесного кота — он лежал на своем любимом месте, у стеллажа темного дерева с научно-популярной литературой от «А» до «К», и вылизывал густую серебристую шерсть. Больше всего Мартиник хотелось домой — откупорить бутылку вина и уснуть перед телевизором, но она обещала забрать Спенсера с тренировки по крикету, чтобы Марсии не пришлось тащить с собой Стерлинга и Эдиссона в спортивный центр. Пол в своей обычной манере удивился, почему Марсия просто не отправит за старшим сыном лимузин с во-

дителем. С учетом всех миллионов, полученных в результате развода, это было бы куда проще, чем просить сестру пересечь пол-Лондона в самый разгар пробок, но Мартиник и в голову бы не пришло предложить такое. Ей всегда было сложно сказать Марсии «нет», а сейчас, когда Мартиник к тому же жалела сестру, отказать ей казалось невозможно в принципе. Однако ради покоя в доме она старалась скрывать от Пола истинные масштабы своей помощи сестре.

— Сперва, — ласково сказала Мартиник, — мне надо изловчиться и посадить этого котяру в машину.

Заметив, что она смотрит на него, Теннисон вытянулся и замурлыкал. Он жил на Риверсайд Драйв с тех пор, как пару лет назад Мартиник нечаянно впустила его, когда он мяукал под дверью. Мокрый и всклокоченный, он промчался мимо нее и спрятался под книжным стеллажом, где отсиживался несколько часов, пока Сара не выманила его тарелкой салаки, купленной у продавца рыбы на рынке Боро поблизости.

Поскольку Теннисон был явно породистым и к тому же в ошейнике, они не сомневались, что в скором времени за ним кто-нибудь придет, но, хотя лавку закрыли в этот вечер позже обычного, никто так и не явился. На следующее утро Сара обзвонила всех окрестных ветеринаров, связалась с полицией и расклеила объявления, но безрезультатно. Однако это оказалось даже к лучшему, потому что Теннисон быстро пришелся ко двору и вскоре никто уже не мог представить себе «Риверсайд» без упитанного кота, растянувшегося между стеллажами с книгами.

Мартиник подошла к Теннисону и опустилась на корточки так, что бусы радужной расцветки зазвенели

у нее на шее. Пока он оставался в книжной лавке, он был милейшим на свете котом, но сейчас, когда Сара уже больше не жила здесь, Мартиник чувствовала, что вечерами его необходимо забирать с собой.

— Ну, давай, котик, — мягко проговорила она. — Пора ехать домой.

Глаза Теннисона сузились, и он бросил возмущенный взгляд, будто в точности понял, что она сказала, и хотел ответить: «Эй, дамочка, этот таунхаус, в который ты таскаешь меня за собой каждый вечер, на самом деле вовсе не мой дом. Я живу здесь».

Мартиник вздохнула. Каждый божий день он заводит одну и ту же песню. Приходится долго возиться, чтобы посадить его в маленькую кошачью переноску, а потом всю дорогу до дома выслушивать в автомобиле тихое жалобное мяуканье.

Аккуратно протянув руку, она почесала кота за большими ушами с кисточками на концах. Бедняга, похоже, тоже еще как следует не понял, что произошло. Хотя прошло уже несколько недель, он по-прежнему норовил проскользнуть к квартире Сары, расположенной этажом выше, пролезал через кошачий лаз, садился у двери в спальню и издавал жалостливые звуки, как будто его хозяйка просто заперлась ненадолго и в любой момент может снова выйти.

Мартиник с трудом поднялась. После суеты рабочего дня тело болело, она чувствовала, как ноют шея и плечи. Работа теперь занимала почти все время.

Приложив руку к плечу, которое болело больше, второй рукой она положила папку с заказами в кассу. Мартиник никогда никому не признается в этом, но на самом деле она изредка немного сердилась на Сару за

то, что та умерла столь внезапно. Если бы подруга рассказала, насколько серьезно больна, у них, по крайней мере, было бы больше времени, чтобы примириться с неизбежным, но вместо этого она до последнего скрывала свой диагноз. Никто из окружения не догадывался, как плохо она себя чувствовала.

Лишь потом, получив письмо, Мартиник поняла: Сара изначально знала, что обречена, но со свойственным ей упорством никому ничего не говорила. В письме она объясняла причины. Ей не хотелось, чтобы болезнь омрачала последний период ее жизни. Все должно было идти как обычно. Но в результате никто из друзей не оказался готов к ее уходу.

Мартиник пронзила дрожь при воспоминании о телефонном звонке, раздавшемся ранним утром во время отпуска. Она испытала настолько глубокий шок, что не могла самостоятельно одеться. Полу пришлось натянуть на нее платье, причесать волосы и отвезти в больницу.

Мартиник глубоко ранило то, что Сара не дала ей больше времени на прощание. Было как-то недостойно расставаться в холодной больничной палате, где бледная, с трудом узнаваемая подруга лежала под капельницами и с трубками в носу, хотя и эти последние двое суток, проведенные вместе, значили для Мартиник очень много.

Пытаясь смахнуть нагрянувшие неприятные ощущения, Мартиник глубоко вздохнула. Чтобы после всего случившегося жить как обычно, требовались большие усилия. Поскольку она дольше всех проработала в «Риверсайде», ей выпала забота о Теннисоне и магазине до появления племянницы Сары, Шарлотты, унаследовавшей дом. Другой продавец, Сэм, работала неполный ра-

бочий день, а на оплату дополнительных часов денег не хватало. К тому же аккуратностью она не отличалась, и те немногие разы, когда ей приходилось принимать поставки книг или делать крупные заказы, почти всегда заканчивались небольшой катастрофой.

Как бы ни была Мартиник убита горем и как бы плохо она ни спала, следить за тем, чтобы лавка ежедневно открывала свои двери для посетителей, все равно приходилось ей. Поэтому ровно в десять часов она отпирала массивную стеклянную дверь, вывешивала небольшой флажок снаружи, на фасаде здания, и переворачивала лицом к посетителям вывеску с солнечной надписью, гласившей: «Добро пожаловать».

Мартиник протерла влажной тряпкой прилавок, за которым несколько часов назад сидели Парнелла с Гербертом. Мартиник не могла себе представить, откуда бы черпала моральные силы, если бы не многочисленные друзья Сары, которые жили поблизости и заходили выпить чашечку кофе и обменяться несколькими фразами. Благодаря им каждый день на работе Мартиник ожидало что-то приятное. Кроме того, их присутствие создавало впечатление, что в книжной лавке полно посетителей, и — хотелось надеяться — привлекало больше покупателей. А это — видит бог — было действительно необходимо магазину.

Крепко сжимая в руке тряпку, Мартиник пыталась оттереть круги, оставшиеся от кофейных чашек Парнеллы и Герберта. Еще при жизни Сары книжная лавка не могла похвастаться хорошими объемами продаж, а сейчас вообще казалось, что вся деятельность замерла. Как ни старалась Мартиник — раздавала направо и налево читательские рекомендации, устра-

ивала различные кампании, выставляла в витрине последние книжные новинки, — добиться оживления не удавалось.

Мартиник не знала в деталях финансовые дела магазина и не могла понять истинного положения вещей, но минимальный уровень продаж вряд ли являлся хорошим признаком. Что произойдет, если «Риверсайд» перестанет приносить прибыль? Захочет ли тогда племянница Сары унаследовать ее дело?

От этой мысли Мартиник становилось дурно. С Шарлоттой она не была знакома, но надеялась, что Сара знала, что делает, когда завещала все свое имущество племяннице. Если лавка закроется, Мартиник не только потеряет последнее, что связывает ее с Сарой, но и лишится работы, а у женщины средних лет с литературоведческим образованием перспективы на английском рынке труда, к сожалению, незавидные.

Кот жалобно мяукнул, и Мартиник ласково взглянула на него. Скоро они отправятся домой. Больше всего Теннисону хотелось бы круглые сутки находиться в книжной лавке, но Мартиник боялась оставлять его на ночь одного. И вовсе не из-за риска, что кто-нибудь попытается украсть кота. «Только попробуйте!» — подумала она и покосилась на царапины на левой руке. Просто она подозревала, что оставленный без надзора кот здорово набедокурит в маленькой книжной лавке. У нее дома он уже разорвал в клочья диван и сорвал пару карнизов.

Наклонив голову набок, Мартиник оценивающе посмотрела на вялого кота, который раньше был озорным и полным жизни.

— Мне тоже ее не хватает, — прошептала она.

Теннисон моргнул ей в ответ и опустил голову на деревянные половицы. Мартиник осторожно поставила перед ним переноску и приоткрыла дверь.

— Я только проверю, везде ли выключен свет. Когда я вернусь, было бы здорово увидеть тебя в переноске.

Она заискивающе улыбнулась, хотя прекрасно знала — шансы на то, что Теннисон добровольно заползет в переноску, равны вероятности взять джекпот в Евролотерее.

Мартиник еще раз обошла весь магазин, чтобы проверить, все ли в порядке. На самом деле она любила этот момент спокойствия перед самым закрытием. Когда воцарялась тишина, все замирало, и казалось, будто в этих стенах чувствуется присутствие Сары.

Мартиник провела рукой по рядам книг, ощупав пальцами мягкие края книжных переплетов. «Риверсайд» принадлежал Саре больше четверти века, и каждая мелочь здесь напоминала о ней. Старая деревянная лестница с резными перилами ручной работы, которые Сара, охваченная внезапной идеей после просмотра французского фильма, выкрасила в цвет зеленого горошка; потертые бархатные кресла, которым она упорно меняла обивку вместо того, чтобы купить новые; коллекция необычных чашек на кухне, собранная Сарой за много лет — все это говорило о ее характере. Она очень любила эту старинную лавку и рассказывала всем желающим ее замечательную историю.

Первый владелец, пастор Уотерс, открыл книжную лавку «Риверсайд» больше века назад, чтобы распространять книги гуманистической направленности. Он надолго оставил память о себе, собственноручно соорудив двенадцать огромных стеллажей для книг, каж-

дый из которых посвятил одному из своих детей. Если внимательно присмотреться, на стеллажах и сегодня можно заметить крошечные латунные таблички с именами детей пастора, и, когда постоянный покупатель искал какую-нибудь книгу, было достаточно сказать ему: «Посмотрите вон там, у Жозефины», — удобно и практично.

Кресла, в свою очередь, были подарены магазину за то, что он в течение нескольких месяцев в 1958 году служил прибежищем для детей западно-индийского происхождения, которые не могли спокойно играть на улице из-за активности правоэкстремистских группировок. Тогдашние владельцы лавки, мистер и миссис Мэнтл, судя по всему, успешно обеспечивали досуг ребят после школы, устраивая чтение вслух и различные мастерские, чтобы занять их до возвращения родителей с работы. В благодарность семьи вскладчину приобрели четыре кресла ручной работы с мягкими спинками и выточенными ножками, с тех самых пор стоявшие в «Риверсайде».

Мартиник подергала ручку ведущей в кабинет двери, чтобы убедиться, что она заперта, и улыбнулась при виде нарисованного от руки транспаранта на стене. Сара разделяла социальный пафос своих предшественников и настежь открывала двери книжной лавки для всех желающих, лишь бы «Риверсайд» продолжал оставаться местом встречи жителей микрорайона. Здесь встречались, чтобы обсудить вопросы местного значения, согласовать фестивали и вечера культуры, организовать сбор средств в пользу школьников из «Сент Эндрюз», которым не хватало денег на ежегодную поездку класса в Брайтон, и даже готовились к демонстрациям.

Но времена менялись. Уже когда Мартиник начинала работать в магазине, активность соседей постепенно сходила на нет. У жителей вокруг «Риверсайда» больше не хватало времени на решение общественных вопросов. Они были слишком заняты собственной жизнью, и Мартиник могла их понять. Она и сама испытывала стресс от многочисленных школьных мероприятий Анджелы, где от матери ожидалось активное участие — помощь с организацией, выпечкой, приобретением лотерейных билетов.

Мартиник еще раз зашла на кухню, чтобы проверить, полностью ли отключена кофеварка. Несмотря на спад интереса со стороны местных жителей, Сара продолжала проводить в книжной лавке обеденные встречи и разговорные клубы, но после ее кончины их дальнейшая судьба оставалась неопределенной в ожидании Шарлотты, которая, по словам адвоката Сары, должна была появиться со дня на день.

Мартиник заботливо провела рукой по книге «Блондинка» Джойс Кэрол Оутс, забытой на одном из кресел для читателей, и вернула ее на место на стеллаже «Луиза». Как бы Мартиник ни старалась мыслить позитивно, ее не мог не волновать вопрос, каково будет мнение Шарлотты о магазине. Сама Мартиник всегда считала, что «Риверсайд» — одно из красивейших мест в Лондоне. Она любила этот милый интерьер начала XX века с его резными, ручной работы плинтусами из темного дерева, массивными половицами, старинным камином, обрамленным порталом из зеленого мрамора, и впечатляющим видом на Темзу; но сейчас ей вдруг стали заметны все изъяны обстановки. Вдобавок ее немного удивляло, что племянница Сары до сих пор не связалась

с ней. На самом деле существовал риск, что Шарлотте вовсе не нужна книжная лавка.

Мартиник крепко сжала тряпку в руке. Муж уговаривал ее так не думать, но это было нелегко, когда все твое существование висит на волоске.

Мартиник задержала усталый взгляд на поломанном плинтусе. Скорее всего, им придется использовать все свое обаяние, чтобы убедить Шарлотту в ценности магазина и необходимости вкладываться в него. У нее уже состоялся длинный разговор с Сэм и Уильямом, который снимал единственную квартиру этажом выше; остается надеяться, что оба осознали всю серьезность ситуации. Если племяннице не понравится увиденное, она может просто выставить дом на продажу.

При одной мысли о том, что дело всей жизни Сары пойдет прахом, у Мартиник все внутри сжималось от отчаяния. Им придется побороться, доказывая Шарлотте, насколько лавка чудесна и важна.

Мартиник искоса взглянула на Теннисона, который по-прежнему лежал на привычном месте. Еще вопрос, как Шарлотта отнесется к идее усыновить кота. Впрочем, как знать? Может быть, племянница Сары любит угрюмых старых котов.

— Извини, старик, нам пора.

Мартиник взяла сумочку и кивнула в сторону переноски.

— Добро пожаловать.

Теннисон посмотрел на нее, будто оценил шутку, и перевернулся на другой бок. Судя по всему, сотрудничать он был не настроен.

Мартиник громко вздохнула, опустилась на колени, обхватила тяжеленного кота поперек живота, подняла